

Рецензии, обзоры, информация

КНИГА СЕРГЕЯ ИСАКОВА О КУЛЬТУРЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЭСТОНИИ

[С.Г. Исаков. *Культура русской эмиграции в Эстонии. 1918–1940. Статьи. Очерки. Архивные публикации*, отв. ред. Т.К. Шор. Таллинн: Aleksandra, 2011. 368 с.]

К 80-летию известного эстонского ученого С.Г. Исакова Библиотека Тартуского университета устроила юбилейную выставку, родная кафедра юбиляра (кафедра русской литературы Тартуского университета) провела международный семинар «Проблемы межкультурной коммуникации», а в Тарту и Таллине были изданы посвященный коллеге и учителю двухтомный сборник *Мифология культурного пространства* (двенадцатый в серии “*Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*”) и очередной двенадцатый том *Балтийского архива*. Сам же юбиляр, со свойственным ему трудолюбием, к круглой дате подготовил том избранных статей, биографических очерков и архивных публикаций. Новая книга продолжает ряд предшествовавших изданий продуктивного исследователя русской литературы, печати, культуры Эстонии – *Русские в Эстонии. 1918–1940. Историко-культурные очерки* (1996), *Очерки истории русской культуры в Эстонии* (2005), *Путь длиною в тысячу лет. Русские в Эстонии*.

История культуры (ч. I, 2008). В книгу *Культура русской эмиграции в Эстонии. 1918–1940* вошли избранные работы за последние десять лет. Большая часть их публиковалась в таллиннских журналах *Таллинн* и *Вышгород*, международном *Балтийском архиве*, различных сборниках статей и продолжающихся изданиях, выходивших в Санкт-Петербурге и Таллине; для юбилейного издания почти все они переработаны и дополнены. Объединяет эти статьи преимущественное внимание к эмигрантам, в отличие от других работ ученого и коллективной монографии под редакцией С.Г. Исакова *Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940)* (2001).

Открывает книгу статья «Русские в Эстонии (1918–1940) как этнокультурный феномен», утверждающая, что в межвоенные года постепенно формировалась особая этнокультурная общность «эстонских русских» со своей субкультурой, подобная этнокультурному единству шведов в Финляндии

или французов в Канаде и отличная от этнической культуры русских в России и в других странах русского рассеяния. С капитальным обзором «Источники и история изучения русской эмиграции в Эстонии (1918–1940)» соседствует обозрение «Русские в Эстонии 1920–1930-х гг. в мемуарной литературе». В первом охарактеризованы архивные материалы в хранилищах Эстонии, России, Чехии, США и их публикации, местная русскоязычная периодическая печать, всевозможные справочные издания на эстонском и русском языках. Здесь же описаны основные этапы и направления изучения русских в межвоенной Эстонии, обозначены трудности, нерешенные проблемы и белые пятна. Такой обзор подталкивает к естественным сопоставлениям: с сожалением приходится признать, что состояние исследований общественной и политической жизни, идеологической дифференциации и экономического положения русских, русского образования, журналистики и периодической печати, биографий русских культурных и политических деятелей в Литовской Республике 1918–1940 гг. и Виленском крае намного уступает тому, что сделано в Эстонии. Обзор мемуаристики, посвященной русским в Эстонии, обоснованно начинается с перечисления десятка мемуарных текстов, отразивших Гражданскую войну на северо-западе России и сложные отношения белой Северо-западной армии с эстонскими властями. Большую часть этой работы составил своего рода путеводитель по тематике мемуарных книг Т.Б. Кашиной, Т.А. Милютиной, К.С. Хлебниковой, М.С. Плюхановой, В.М. Кругловой,

К. Муруметса, С.В. Рацевича, Н.Е. Андреева, В.В. Губина, митрополита Таллиннского и всея Эстонии Корнилия (в миру В. Якобса), Т.П. Петровской-Халили, изданных в 1990-х – 2000-х гг. и рассеянных по периодическим изданиям и различным сборникам мемуарных статей и очерков Ю.П. Иваска, Б.А. Нарциссова, К.Е. Аренсбургера, Ю.Д. Шумакова и многих других мемуаристов различного происхождения, разного социального положения и занятий.

В статье о вкладе русских в становление государственности, экономику и культуру Эстонии на конкретных многочисленных примерах показана та роль, которую сыграли отдельные группы и представители русской эмиграции в разработке эстонского законодательства, организации государственных учреждений и ведомств, развитии промышленности, высшего образования, культуры и искусства. Статья служит дополнительным аргументом, обосновывающим внимание к эмигрантам: не самая многочисленная группа русского населения Эстонии, составлявшая лишь пятую часть от общего числа русских в стране (с. 103), определяла интеллектуальный и культурный уровень русского национального меньшинства в 1918–1940 гг. Статья «Советская литература в восприятии русских читателей в Эстонии 1920–1930-х гг.» объясняет широкую шкалу оценок советской литературы и ее отдельных авторов идеологической неоднородностью русского населения страны и возрастными различиями. Основная масса старожильческого русского населения в Эстонии не питала к СССР и советской литературе враждеб-

ного отношения, свойственного эмигрантам (преимущественно военным) в Югославии или Франции. Интерес широкого круга читателя к произведениям советских авторов, большей частью прозаическим, проистекал из желания знать, какова повседневная жизнь на родине. Этим определялся отбор текстов для издания книг и перепечаток в эмигрантских газетах. Судя по количеству публикаций и критических отзывов, наибольшей популярностью пользовались М. Зощенко, П. Романов, Вяч. Шишков, Б. Пильняк и другие авторы, не всегда занимавшие в официальном советском пантеоне доминирующие позиции. Написанная в соавторстве с В.А. Бойковым статья «Русский фашизм в Эстонии 1920–1930-х гг.» рисует формирование фашистской идеологии в среде русской эмиграции и возникновение русских фашистских объединений (немногочисленных по составу), отмечая влияние двух «сугубо местных факторов» – распространение фашистских идей среди прибалтийских немцев и радикально-националистическое эстонское движение вапсов.

Особый отдел «Биографика. Портреты русских деятелей в Эстонии» составили шесть очерков о ярких личностях, образующих своего рода групповой портрет русской эмиграции в Эстонии. Первый очерк посвящен бывшему владельцу золотых приисков в Сибири и угольных шахт на Сахалине (поддерживавшему, между прочим, ссыльнопоселенцев из поляков) – В.И. Базилевскому, оказавшемуся в Эстонии в 1919 г. В круг общения Базилевского входили В.Ф. Комиссаржевская,

А.Ф. Кони, И.Е. Репин, А.Г. Рубинштейн. Сын предпринимателя, И.В. Базилевский, стал лесным объездчиком и занимался литературным творчеством, был женат на учительнице и поэтессе Е. А. Роос-Базилевской. В очерке «Новое о Борисе Вильде» справедливо отмечено, что ни об одном русском литераторе из Эстонии, за исключением разве что Игоря Северянина, не написано столько, сколько о герое французского Сопротивления, поэте и создателе Музея человека. Тем не менее, в его ранней, эстонской, биографии немало белых пятен, восполняемых тщательной, с опорой на архивные документы и другие источники, реконструкцией гимназических и студенческих лет Вильде. Это и первые литературные опыты Вильде, и авантюрный эпизод бегства в 1927 г. на лодке через Чудское озеро в Советскую Россию, а также участие в берлинском *Руле*. Позднее, живя уже в Берлине, Вильде неоднократно обращался к теме жизни русских в Эстонии – в неоконченном романе *Жизнь наша*, повести *Возобновленная тоска* и в статьях. Одна из таких статей – «Русские в Эстонии» (1930) – приложена к очерку.

В очерке «Многоликий К.К. Гершельман» краткое жизнеописание сочетается с очерком о художественном творчестве, литературной критике и историко-литературной и философской эссеистике писателя, художника и своеобразного мыслителя, родившегося в Одессе, жившего в Таллинне и умершего в баварском городке Эйхштетте. В книге Исакова впервые публикуется опыт биографии Леонида и Лидии Пумпянских (параллельно «опыт» напеча-

тан в очередном томе *Балтийского архива*). Экономист Пумпянский был выслан из Советской России вместе с Л.П. Карсавиным, Н.О. Лосским и многими другими на «философском пароходе». После мытарств в Германии и Франции он перебрался в Эстонию, где нашел применение своим способностям и знаниям в руководстве крупного банка и ряда акционерных обществ, стал директором Сланцевого консорциума, выступал по экономическим вопросам в печати и принимал участие в русской общественной и культурной жизни. Его жена (в девичестве Дроботова) – некогда актриса, близкая к кругу «Бродячей собаки», также стала заметной участницей культурной и общественной жизни русского Ревеля, благотворительницей и меценатом. Между прочим, при ее содействии и на ее средства в Таллинне был издан единственный прижизненный сборник стихов Бориса Поплавского.

Удивительные перипетии судьбы, схожие, впрочем, своей причудливостью с биографическими траекториями других русских эмигрантов, описаны в очерке о жизни и творчестве Нины Франк, урожденной Корчак-Котович. Родилась она в Витебской губернии в русско-польской дворянской семье, получила редкий для женщин в начале прошлого века диплом агронома, несколько лет провела в США, откуда писала корреспонденции в российские газеты. Перед Первой мировой войной Нина вернулась в Россию и добровольно отправилась на фронт сестрой милосердия. После недолгого брака с финляндским стрелком вышла замуж за

Романа Франка, офицера, проявившего мужество во время войны с немцами. В годы гражданской войны Н.И. Франк редактировала антибольшевистские газеты в Харбине и Омске; после большевистской тюрьмы в Иркутске сумела выбраться в Эстонию как супруга гражданина Эстонской Республики, каковым к тому времени стал ее муж. После нескольких лет жизни в Нарве, где Нина Франк редактировала газету и занималась писательством, чета переехала в США. В 1930-х гг. писательница на некоторое время поселилась в Таллинне, где выпустила три книги. Ее романы и рассказы принадлежат к низкопробной массовой литературе, что не освобождает добросовестного исследователя от обязанности анализа сочинений подобного рода. Повесть *Рихард Юльге* (1937) из литературной продукции Франк, печатавшейся также под девичьей фамилией и псевдонимом *Корвич*, выделяется не только тем, что выходит за рамки массовой литературы, но и тем, что это едва ли не «единственный случай, когда главным героем повести русского литератора становится эстонец», к тому же «обрисованный с большой симпатией» (с. 271).

Полковник Белой армии Борис Энгельгардт в Эстонии зарабатывал пением в ресторанах и кинотеатрах, торговлей папиросами вразнос и, наконец, лавкой шерстяных и шелковых нитей. За этой внешней стороной жизни скрывалась деятельность в Русском Обще-воинском союзе и других эмигрантских объединениях, подчиненная целям борьбы с большевизмом. В опыте жизнеописания Б.В. Энгельгардта,

сочиненном, как и другие очерки, по архивным материалам и публикациям в русской зарубежной периодике, с учетом добытых другими исследователями сведений, с особой тщательностью расследуются хитросплетения борьбы разведки и контрразведки РОВС'а с советской разведкой.

Раздел «Архивные публикации» составили два существенных источника, свидетельствующих о жизни русской эмиграции в Эстонии. Это записки руководителя Комитета русских эмигрантов М.И. Соболева «Русские беженцы в Эстонии» и генерал-лейтенанта А.К. Баиова (к слову сказать, в к. XIX – нач. XX вв. служившего в штабе Виленского военного округа) «Русская эмиграция в Эстонии», написанные для создававшегося баронессой М.Д. Врангель Архива русской эмиграции. Пространные записки, насыщенные ценными, но не всегда точными и достоверными сведениями, снабжены обстоятельными вступительными статьями и подробными комментариями.

В книге имеется библиографическая справка о вошедших в нее статьях, очерках и публикациях и необходимый для работы с такого рода изданиями именной указатель, составленный М. Коор. Дополнительную ценность изданию придают иллюстрации – репродукции разысканных в Историческом архиве Эстонии в Тарту и Государственном архиве Эстонии в Таллине фотоснимков героев биографических очерков и их спутников И.В. Базилевского и Е.А. Роос,

Б. Вильде в студенческие годы и знакомого с ним тартуского литератора И.Д. Беляева, а также К.К. Гершельмана, Р.В. Франка и авторов архивных публикаций М.И. Соболева и А.К. Баиова. Фотография же якобы Б.В. Энгельгардта (с. 278), как доказательно отметил в своем докладе на Четвертых Лотмановских днях в Таллинском университете Р.А. Абисогомян, атрибутирована неверно. Кроме фотографий, в книге можно увидеть портрет Л.Х. Пумпянской работы С.А. Сорина (хранится в Псковской художественной галерее). Несколько воспроизведенных в тексте бланков русских организаций украсили форзацы книги. Последние страницы юбилейного сборника отведены под своего рода визуальную избранную библиографию: здесь красуются обложки семнадцати книг С.Г. Исакова 1961–2006 гг.

Исследования С.Г. Исакова служат образцом научной добросовестности и кропотливой работы с источниками. Сборник *Культура русской эмиграции в Эстонии*, несомненно, найдет благодарных читателей не только среди тех, кто заинтересован вынесенной в название темой. Рассматриваемые в книге явления и процессы дополняют общую картину жизни русского зарубежья в межвоенные годы, отражают ее общие закономерности и, вместе с тем, специфичные черты русской эмиграции и русской культуры в лимитрофных, в особенности балтийских, государствах, образовавшихся на обломках Российской империи.

Павел Лавринцев